

DOI: 10.31168/0433-6.21

ВОВЧЕНКО ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат исторических наук

доцент

Северовосточный Университет Оклахомы

vovchenk@nsuok.edu

**Кривое зеркало? Творчество И.В. Дорбы (1906-1998)
как отражение политических взглядов российской
эмиграции в межвоенной Югославии**

Аннотация: В статье сравниваются первый роман И.В. Дорбы «Белые тени» (1981) и его же постсоветские мемуары «Свой среди чужих» (1992) как отражение политических течений среди русских эмигрантов в межвоенной Югославии. Находясь там после поражения в Гражданской войне, военное ядро белого движения уже не было связано с своими либеральными и социалистическими союзниками по антибольшевистской коалиции. Они свободнее выражали свои взгляды в публикациях и передавали их молодому поколению в новообразованных кадетских корпусах. Владимир Чеботаев учился в таких заведениях в Бела Црква (Войводина) и Билече (Босния). По окончании их он стал активным деятелем НТСНП и даже вошел в его руководство. Во время Второй Мировой Войны он сотрудничал с нацистами, но вскоре перешел на советскую сторону в 1942. Его творчество, особенно мемуары, часто воспроизводит антизападничество и ксенофобию, которыми изобиловали такие крайнеправые белоэмигрантские белградские газеты, как «Новое Время» (1921-1929). Необходим анализ взглядов других представителей его среды и старшего поколения, но творчество Дорбы указывает на первенствующую роль антисемитизма в мировоззрении белого офицерства и кадетов.

Ключевые слова: Дорба, НТСНП, белоэмигранты, «Новое Время», Югославия, белое движение, фашизм, антисемитизм, антизападничество, антикоммунизм

Идеология белого движения по-прежнему вызывает споры среди историков.¹ Сосредоточившись в Югославии после пораже-

1 Тормозов В.Т., Писменский, Г.И., Писменский, А.Г. Введение в историографию белого движения. М., 2013. С. 166-168.

ния в Гражданской войне после 1920-го года, военное ядро белого движения освободилось от своих союзников-либералов и социалистов по антибольшевистской коалиции. Готовясь к долгой борьбе с советской властью, лидеры военной эмиграции должны были четко сформулировать свои взгляды и передать их молодому поколению через новообразованные или эвакуированные военно-учебные заведения. Владимир Чеботаев (1906-1998), более известный под псевдонимом Иван Дорба, учился сначала в Донском кадетском корпусе таких заведениях в Билече (Босния) и затем в Крымском кадетском корпусе в Белой Церкви (Воеводина). По окончании он стал активным участником Народно-Трудового Союза Нового Поколения (НТ-СНП) и даже вошел в его руководство. В 1941-м году в рамках НТСНП он начал сотрудничать с нацистами до перехода на советскую сторону в 1942-м году. В 1950-е годы, он станет известным переводчиком украинской и сербской художественной литературы, а затем и писателем-романистом. В этой статье сравниваются политические тенденции в белоэмигрантской среде в Югославии, отраженные в его первом романе «Белые тени» (1981) и постсоветских мемуарах «Свой среди чужих» (1992, 2012).

«Белые тени» изначально были изданы солидным тиражом в 100,000 экземпляров, и уже через 2 года книга достигла еще более широких читательских масс через популярную «Роман-Газету» (1983). В своем дебютном произведении Дорба сумел сохранить явную автобиографическую основу и соответствовать принципам соцреализма для прохождения советской цензуры. Действие романа происходит в Югославии и Советском Союзе между 1926 и 1941 годами с длинным экскурсом в 1920-й год.

Главный герой – Алексей Хованский, советский разведчик, заброшенный в Югославии, по легенде бывший морской офицер. Он устраивается на работу инженером-электриком в Донской кадетский корпус в Билече. Его задание – добыть список британских агентов, оставшихся в СССР во время Гражданской войны. После успешного выполнения он должен был остаться в корпусе бороться за души белоэмигрантской молодежи, чтобы помешать превратить ее в послушных пешек в грязных антисоветских играх иностранных спецслужб.² Эта часть его миссии оказалась не из легких, так как у большинства молодежи умы были отравлены культом генерала Врангеля,

2 Дорба И. В. Белые тени. М., 1981. С. 7-11.

получившего благословение реакционных иерархов – епископа Вениамина (Федченкова) и митрополита Антония (Храповицкого). Как преподаватель богословия в корпусе, Вениамин умело использовал аналогии для объяснения своих «лже-научных» понятий. С своей стороны, кадеты были очарованы его ореолом таинственности и необычным тембром голоса во время лекции и служб.³

Автор не сообщает ничего о гипнотических способностях голоса митрополита Антония, но, видимо, они были значительно меньше, так как он нуждался в вокальном подкреплении в лице протодьякона Вербицкого и знаменитого хора Жарова. Во время пасхальной службы (вероятно, в 1926 году), Вербицкий выходил к хору певчих из алтарной части, выпив рюмку водки, «так что к концу службы его голос гремел и переливался по-шалаяпински.» Неудивительно, что Вербицкий хвастался, что он был лучшим певцом во всей Православной Церкви.⁴ Даже советский разведчик был «одурманен дымом ладана и чадом восковых свечей, которые зажигали во время чтения каждого евангелия, и заморожен блеском огромных брильянтов, изумрудов, кроваво-красных рубинов, и небесно-голубых сапфиров, которыми были усыпаны митры митрополита и епископа.»⁵ Тот же Вербицкий пел «Многая лета», когда Врангель посетил кадетский корпус и сидел в обеденном зале со всеми преподавателями, епископом Вениамином, и митрополитом Антонием. Пока его громоподобный бас переходил в баритон, «звенело в ушах, и дрожали стекла.»⁶

Это был уже не первый визит Антония в Билечу. Он приезжал и в 1925-м году на георгиевский праздник. На него произвели впечатление благочестие кадетов и их внимание в течение его пятичасовой лекции. Когда директор корпуса генерал Перретт отвозил Антония на ближайшую станцию в Требинье, подбежавшие кадеты бросили несколько букетов сирени ему в машину в знак признательности.⁷

Другие идеологические течения с трудом могли конкурировать против такого привлекательного освященного религией авторитаризма. Создается впечатление, что даже популярный преподаватель истории не смог распространить среди кадетов идеи казацкого

3 Там же. С. 53.

4 Там же. С. 62.

5 Там же. С. 68.

6 Там же. С. 131.

7 *Антоний Митрополит*. Русский кадетский корпус в Билече // Новое Время. 1925. 22 мая.

сепаратизма. Его героизация Всевеликого Войска Донского оскорбила чувства уроженцев Кубани и в результате помешала организации самостийного движения на общеказацкой основе.⁸ Корпусной капельмейстер также казался не к месту с своими либеральными и умеренными социалистическими взглядами. Его главная роль в повествовании – регулярно провоцировать монархистские порывы полковника Мальцева за дружескими посиделками и вечеринками. Как один из самых отрицательных персонажей он олицетворяет сторонников руководителей военной части русской эмиграции – генерала Врангеля и Великого Князя Николая Николаевича. Последний, по словам Мальцева, должен был заменить Николая II в качестве царя, чтобы заставить Россию жесткими мерами добиться победы в Великой войне и осуществить свою историческую миссию – стать подлинным Третьим Римом с захватом Проливов и Константинополя. В довершение своего образа настоящего черносотенца, Мальцев ругает русскую интеллигенцию за увлечение «еврейскими идеями»⁹

В противоположность ему генерал Кучеров представляет тех офицеров-эмигрантов, которые утратили веру в правоту белых в Гражданской войне и разочаровались в Врангеле, ставшего прислужником иностранных интересов.¹⁰ В соответствии с типажом ‘хорошего’ эмигранта в советской литературе и кино, он осознал, что сражался против русского народа, который плакал при известии о смерти Ленина – «Мы, русские, должны гордиться, что среди нас родился такой человек.» Сталин также удостоился похвалы «за его борьбу с ферментом разложения, который несет Троцкий и иже с ним.»¹¹ Дорба не мог изобразить Кучерова выразителем эмигрантского большинства. Его убийство подчеркивает, что такие трагические фигуры оставались безгласными и посторонними в среде военных эмигрантов. Даже опытный чекист отдавал себе отчет, что молодежь не пойдет по стопам Кучерова, но что все же необходимо оставаться в Билече, «чтобы как-то спасти оболваненные психологической муштрой молодые, полуискалеченные души хотя бы немногих кадет, чтобы матерые волки не сделали их нашими лютыми врагами.»¹² Самые ак-

8 Дорба И. В. Белые тени. С. 55.

9 Там же. С. 59.

10 Там же. С. 132.

11 Там же. С. 60.

12 Там же. С. 190.

тивные потомки белых офицеров, которые образовали НТСНП, были действительно ближе к Мальцеву, а не Кучерову.

Ввиду убогости западной философии 1930-х годов, по словам автора, в эмигрантской среде преобладало в целом благожелательное мнение в отношении НТСНП несмотря на «бездарный плагиат, смесь эсеровщины и фашизма, приправленную идеями евразийцев, оснащенную ‘критикой’ марксизма ‘величайшего русского философа’ Льва Тихомирова и сдобренную ‘диалектиками духа’ – Владимиром Соловьевым, Николаем Бердяевым, и Сергеем Булгаковым.» Как и старшее поколение в руководстве военной эмиграции, НТСНП активно сотрудничал с иностранными разведками.¹³ Самые отчаянные из них засылались в СССР подрывать советскую власть с помощью терроризма, саботажа, и агитации. Такие экстремисты якобы вдохновлялись «национально-трудовым солидаризмом», придуманным Петром Струве в 1905-м году в качестве «‘мировоззрения’ наиболее реакционной части русской буржуазии.»¹⁴

Дорба подчеркивал устами неназванного советского журналиста, что вопреки или благодаря этой идеологической мешанине НТСНП и многие эмигранты в целом склонялись к нацизму, который представлялся им как «основанный на социальной демагогии новый Союз Михаила Архангела,» «диктатура мещанства, и культ силы ‘белокурой бестии’, и древние мифы, пропитанные ядом расизма, и бешеная ненависть к коммунизму.»¹⁵ Не в последнюю очередь НТСНП привлекал к нацизму антисемитизм. Курьезный пример этого – готовность принять нацистское объяснение таинственной гибели членов экспедиции, незадолго до того нашедшей могилу Тутанхамона. Как не поверить тому, что тому виной было не древнее проклятие, павшее на Картера и его коллег, а вполне реальные сионистские агенты с лицензией на убийство. Они решились на это якобы потому, что археологи видели в гробнице фараона древние папирусы, которые содержали правду о библейском Исходе, что евреи были изгнаны из Египта из-за человеческих жертвоприношений в своих жутких ритуалах. Хотя руководство НТСНП было радо сотрудничать с самим сатаной, «не все белоэмигранты готовы были про-

13 Там же. С. 200.

14 Там же. С. 328-329.

15 Там же. С. 202.

дать русскую душу немецкому национал-социалистскому черту.»¹⁶ Естественно, что 22-го июня 1941-го года они ответили на призыв Югославской компартии и начали действовать совместно с 'Союзом советских патриотов' и партизанами Тито.¹⁷

Мемуары Дорбы, изданные в 1992-м году, свободны от подобных клише, явно навязанных советской цензурой. При этом сам Дорба никогда не отказывался ни от одного слова в своем первом романе. Он даже подчеркивал, что роман понравился такой широкой аудитории своей правдивостью и при этом принес автору премию КГБ по литературе, врученную самим Андроповым.¹⁸ Действительно, роман не слишком отличается от мемуаров в описании идеологических течений среди русских эмигрантов. Дорба мельком упоминает о Кадетах, казачьих и украинских «сепаратистах» в Донском кадетском корпусе в Билече, но они явно не задавали идеологический тон. В отличие от романа, однако, в мемуарах нет никаких попыток демонизации или насмешек над епископом Вениамином и митрополитом Антонием. Напротив, явно глубокое уважение автора к их проповедям и беседам, которые «порой задушевные, порой жесткие, оставляли в душе глубокие следы.»¹⁹

Разделение в военно-эмигрантской среде проходило не только по идеологическому, но и по поколенческому принципу. «Отцы» были связаны с РОВС (Русский Общевоинский Союз), основанным Врангелем в 1924 году. Со временем его престиж упал из-за вялого антибольшевизма, проникновения агентов НКВД, и прислуживания иностранным разведслужбам. Примерно так же Дорба критикует и эмигрантскую массу в "Белых теньях." Однако НТСНП изображается в гораздо более положительном ключе, чем в романе, – его свежая идеология солидаризма действительно открыла новые перспективы, включая и в конечном счете иллюзорные надежды на то, что «строящим социализм в одной стране чужд коварный иудейский замысел интернационализма.»²⁰

Антизападничество - еще одна общая черта. Как «Белые тени», воспоминания Дорбы осуждают сторонников иностранного вмеша-

16 Там же. С. 206-207.

17 Там же. С. 333.

18 Дорба И.В. Свой среди чужих. В омуте истины. М., 2012. С. 6, 294.

19 Там же. С. 19.

20 Там же. С. 21-23.

тельства для освобождения России от коммунизма, так как германские, английские, американские, и французские правительства разделят Россию и восстановят хищнический капитализм, который будет хуже «иудейского ига» советской власти.²¹ Как это ни парадоксально, неискоренимый антисемитизм автора привел его к разочарованию в нацизме – идеал немецкого превосходства ему показался подражанием еврейскому мессианству.²²

Как в романе, вторжение Германии 22-го июня 1941 года было поворотным пунктом и в мемуарах, где описывается, как автор и другие активисты НТСНП были поражены известной речью Сталина 3-го июля 1941-го года, поддержанной радио сербского некоммунистического подполья. Теперь Советский Союз предстал как Матушка Русь, а не подконтрольный евреям центр мировой революции.²³

Из вышеприведенных примеров очевидно, что в воспоминаниях антисемитизм не осуждается и не высмеивается, как в романе. Напротив, он служит идеологическим лейтмотивом. Автор не только разделял его сам, но и считал важнейшей чертой мировоззрения как русских эмигрантов в Югославии, так и их сербских симпатизантов. Автор интерпретировал важнейшие события советской истории через ту же призму – борьба Сталина с якобы еврейской оппозицией внутри партии в 1930-е и 1950-е годы, так называемое отравление Сталина в 1953-м году,²⁴ распад СССР с помощью НАТО, предателей-аппаратчиков, и «Сиона.» Наконец, естественно, мировое еврейство было каким-то образом виновато в развитии дикого капитализма в России 1990-х годов.²⁵

Возникает вопрос об источниках антисемитизма автора – насколько он развился во время его жизни в межвоенной Югославии и как сильно повлияло на него советское окружение. Он вступил в ряды Красной Армии в 1942-м году в возрасте 36 лет. Волна советского антисемитизма начнется только после основания Израиля и печально известного «заговора врачей» начала 1950-х годов. Ясно, что по возрасту 1920-е годы заложили основу становления автора как личности. Используя пейоративное слово «чифутски,» Дор-

21 Там же. С. 106-107.

22 Там же. С. 92, 129.

23 Там же. С. 115, 144.

24 Там же. С. 207, 273.

25 Там же. С. 293.

ба показывает влияние сербского антисемитизма.²⁶ Но больше всего времени он вращался в военно-эмигрантской среде. Характерно, что самая влиятельная газета русской общины в Белграде «Новое Время» (1921-1929) проявляла постоянно высокий интерес к иудейско-масонским заговорам.

С самых первых номеров «Новое Время» с гордостью отнесло себя к «крайне правым», не стыдясь этого жупела своих оппонентов слева, поскольку монархисты первыми подняли знамя борьбы с большевизмом.²⁷ Две недели спустя в передовице утверждалось, что термин «реакционный» означал антисемитский в антимонархистской среде «особенно среди еврейских журналистов «Последних Новостей». Это не должно мешать монархистам защищать свой идеал, потому что якобы только евреи выиграли от установления республиканского режима в России. Единственное решение еврейского вопроса – это образование еврейского государства и переезд туда всех евреев. Только так можно преодолеть антисемитизм в Европе и во всем мире.²⁸

Неудивительно, что не только советская печать, но и левые эмигрантские издания заклеили «Новое Время» и ему подобных как «погромные листки.»²⁹ Они же раскрыли тесную связь между различными русскими черносотенными объединениями и сербскими реакционерами в монархистской организации «Белая рука», что позволило врангелевцам устроиться в югославскую полицию.³⁰ «Новое Время» само периодически подтверждало особые отношения с сербскими властями, начиная с первого выпуска, где говорилось, «из всех народов, участвовавших в мировом потрясении, только сербы сохранили чистую совесть. Великие народы покинули и предали Россию. Русский народ за время войны не раз спасал их от гибели.»³¹

Безусловно, рассмотрение творчества Дорбы недостаточно для общих выводов об идеологии белого движения. Однако трудно отрицать, что он сформировался в военно-эмигрантской среде межвоенной Югославии и неизбежно отражал ее мировоззрение в значительной степени как сознательно, так и бессознательно. Трудно

26 Там же. С. 115.

27 *Локоть Т.* Национальный съезд // Новое Время. 1921. 27 апреля.

28 Монархизм и революция // Новое Время. 1921. 17 мая.

29 Крах белогвардейщины // Новая Россия. 1922. 15 ноября.

30 *Грубин А.* В царстве черных // Новая Россия. 1922. 30 ноября.

31 Вина в нас самих // Новое Время. 1921. 22 апреля.

отрицать, что многие представления автора находят себе параллели в крайнеправой русской белградской печати. Необходим анализ взглядов других представителей его среды и старшего поколения, но творчество Дорбы указывает на первенствующую роль антисемитизма в мировоззрении белого офицерства и кадетов, что подтверждает мнение об этом П. Кенеза.³²

32 Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России, перекресток мнений / Отв. ред. Ю. А. Поляков, Ю. И. Игрицкий. М., 1994. С. 104.

Denis Vovchenko, Ph.D.,
Northeastern State University

Through Distant & Distorted Mirrors: The Ideological Currents among the Russian Émigrés in Interwar Yugoslavia in the Writings of Ivan Dorba

Abstract: Scholars are still debating what, if any, the ideology of the White movement was. Concentrated in Yugoslavia after their defeat in 1920, the military core of the White South was less constrained by the tactical alliances with various anti-Bolshevik forces. Preparing for a long struggle against the Soviets, they had to clarify and instill their ideals in the minds of the younger generation in newly established cadet schools. Vladimir Chebotaiev (1906-1998), better known under his pen-name Ivan Dorba, was a product of such institutions in Bela Crkva (Vojvodina) and Bileca (Bosnia). Upon graduation, he became actively involved in NTSNP and even rose to leadership positions there. During WWII, he briefly collaborated with Nazi German authorities before defecting to the Soviet side in 1942. This paper will compare the political trends in the Russian émigré community in Yugoslavia as reflected in his first novel “Belyie teni” (1981) versus his post-Soviet memoirs “Svoi sredi chuzhikh” (1992, reprinted 2012). Many key ideological principles in his writings echo anti-Westernism and anti-Semitism often found in the far-right Russian press in Belgrade, such as “Novoe Vremia.” More voices from his cohort as well as the older generation should be examined but the available evidence suggests the importance of anti-Semitism as the main basis of the White officer worldview.

Keywords: Dorba, NTSNP, Russian émigrés, “Novoe Vremia,” Yugoslavia, White movement, fascism, anti-Semitism, anti-Westernism, anti-Communism